

«Молчание ягнят»

Лариса Лисюткина

28 марта 1941 года, привязав к платью несколько тяжелых камней, Вирджиния вошла в реку...

Когда в пятницу 21 марта 2008 года Анна Альчук вышла из дома и не вернулась, поднялась волна толков и разговоров. В мой Интернет-дневник (ЖЖ) писали комментарии знакомые и незнакомые люди, охваченные сильными переживаниями: страхом, тревогой, сочувствием. Высказывались разные версии исчезновения Анны. О самом главном событии в ее жизни последних лет – судебном процессе по делу о выставке «Осторожно, религия!» – говорилось мало. А если эта неприятная тема и упоминалась, то только вскользь, и не получала дальнейшего развития. Как бы сам по себе создался неписанный языковой консенсус: политическая составляющая в покушении на жизнь Анны Альчук не обсуждалась по умолчанию. Вместо этого говорившие проявляли себя с «человеческой» стороны. Ведь человеческая скорбь нам, слава Богу, не запрещена. Главное – чтобы ничего политического. Никаких обобщений. Никаких обвинений. Это же сугубо личное. Человеческая драма. Хотя для случившегося существует совершенно очевидное и естественное объяснение: Анна Альчук была доведена до самоубийства судебным преследованием и общественной травлей, от которой ее не спас оправдательный приговор Таганского суда. Такое заявление ни разу не прозвучало в контексте разговоров о судьбе Анны Альчук. Ведь это означало бы ни много ни мало высказать оценку политическому показательному процессу, посредством которого государство расправлялось с художниками, посмеявшимися в своем творчестве критически отнестись к православной церкви, в то время как государство считает православие своей идеологической основой. Пришлось бы вольно или невольно обвинить государство в присвоении юстиции и в применении силы вместо закона. Расплата за такое выступление неотвратима. Да и неловко такое утверждать. Ведь выбор между жизнью и смертью носит сугубо личный характер; это есть высшая и последняя форма человеческой свободы.

Название выставки оказалось пророческим. Процесс над Анной Альчук, Юрием Самодуровым и Людмилой Васильевой стал грозным предостережением для тех, кто еще не понял, как надо себя вести в социальном пространстве новой российской демократии и на каком языке разговаривать с российской властью. В зале Таганского суда было разыграно театрализованное учебное представление. Судя по реакциям, урок обществом был усвоен. Советское общество философ Михаил Гефтер в свое время определил как «социум власти». Оно оказалось невероятно резистентным. Ни реформы, ни открытые границы, ни внезапно свалившееся нефтяное богатство не изменили сути российского социума.

Единственный человек, который нарушал консенсус умолчания и обхода политической стороны трагедии, – муж Анны Альчук философ Михаил Рыклин. С момента погрома выставки и вплоть до вынесения приговора он был компетентным хронистом этого знаменательного исторического эпизода, который мог наблюдать и переживать изнутри. Сорок лет назад эту же роль на процессе Иосифа Бродского взяла на себя журналистка Фрида Вигдорова. Только те события, которые достоверно документрируются, входят затем в учебники истории. Сегодня на запрос «записки Фриды Вигдоровой» Гугл на русском языке выбрасывает ссылки на 1 800 веб-страниц, на запрос «выставка “Осторожно, религия!”» – 6 800. Аналитическая часть книги Рыклина вообще-то исчерпывающа. К ней нечего добавить. Все, кто хочет из первых рук узнать о процессе, могут прочитать эту книгу: *Свастика, крест, звезда*.

Когда Анна исчезла, Михаил представил берлинской полиции возможные версии этого события, упомянув и об угрозах расправы со стороны агрессивных религиозных мракобесов, недовольных «мягким» приговором Таганского суда. Политические мотивы во всей цепи событий существенно усиливались тем фактом, что упомянутая выше книга Рыклина была сразу же после ее выхода в свет переведена на немецкий язык и удостоилась премии Лейпцигской книжной ярмарки 2007 года. Постсоветская судебная расправа над художниками вошла в международные анналы и заняла место в одном ряду со свидетельствами сталинских и брежневских нарушений законности. Автора многие зарубежные СМИ именовали «проминентным критиком режима Путина». И в самом деле, помимо награжденной книги, Михаил Рыклин часто публикует обзоры и аналитические эссе в популярном среди интеллектуалов еженедельнике *Lettre International*.

Моя встреча с Анной Альчук и Михаилом Рыклиным произошла вскоре после Лейпцигской ярмарки. Мы оказались приглашены к общим друзьям, и в разговоре быстро выяснилось, насколько близки наши с Анной интересы и взгляды. Ее книгу *Женщина и визуальные знаки* я тут же включила в программу своих семинаров по гендеру в Свободном Берлинском Университете. Анна Альчук излучала обаяние и силу. Не физическую, разумеется, а ту уверенность и стабильность, которые бывают у людей, твердо стоящих на земле и живущих в согласии с собой и окружающим миром. Владея поэтическим языком и языком

перформативной изобразительности, Анна могла всесторонне и исчерпывающе выразить себя. Она не потерялась в массе безголосых и безъязыких женщин, которые не в состоянии ничего о себе сказать, а если и говорят, то их никто не слушает. У Ани была своя публика, ее тексты читали, ее инсталляции собирали зрительскую аудиторию, ее собеседниками, друзьями и коллегами по поэтическому цеху были лучшие люди эпохи. Анна Альчук не терялась в тени своего мужа. Они оба были центрами притяжения. Оба – яркие индивидуальности, их личности не сводимы к тождеству, а их брак, продолжавшийся 33 года, не выглядел как симбиоз. У них не бросалась в глаза какая бы то ни было иерархия ролей или асимметрия авторитета. Их взаимная защищенность – по крайней мере, так казалось со стороны – вытекала из их языка общения. Такой язык вырабатывается у людей, способных самокритично и здраво соотносить себя с окружающей жизнью. В одной из своих теоретических статей Михаил Рыклин пишет, что он выступает «за вменяемость языка». Этот принцип звучит актуально на фоне кризисной языковой истерии, когда только немногие сохраняют ясность артикуляции. Когда я говорю, что хрупкая Анна излучала силу, я имею в виду, что в ней заметна была грусть, но ничто не указывало на возможность такого срыва, как тот, что описан в книге Михаила Рыклина. Конечно, психические пытки, пережитые на скамье подсудимых Таганского суда, не прошли бесследно. Ее лицо не было безмятежным. Иногда оно омрачалось, и было заметно, что у нее камень на душе. Те, у кого нет прочной духовной и личностной основы, нет опоры в кругу близких, не выдерживают подобных мучений. От общения с Анной и Михаилом у меня возникла твердая уверенность, что эти двое выстояли. Эта уверенность еще больше укрепилась, когда я провела вечер у них в гостях. Мы смеялись и веселились, и я привезла домой хорошее настроение, которое сохранялось и в последующие дни. Мне очень хотелось, чтобы они остались жить в Берлине. Берлин как минимум на 10 % русский город. В нем чувствуешь себя как рыба в воде. В нем есть все, за что можно любить Москву, и нет ничего того, что делает Москву такой невыносимо тяжелой для жизни.

В наших разговорах с Аней я могла заметить, что необходимость определиться с будущим и дистанцироваться от прошлого тяжким грузом лежит на ее плечах. Они с Михаилом оказались на перепутье, надо было принимать решение и либо начинать новую жизнь в Берлине, либо как-то менять привычный уклад в Москве. О будущем мы с ней говорили охотно и открыто, иногда – в шутку, а чаще – всерьез. Однажды, после долгой прогулки по Далему, району вилл, парков, фасадов Югендстиль и уютных ресторанчиков, мы с Аней стояли на балконе у меня дома и смотрели на клумбы внутреннего дворика. Уже не помню почему, но мы говорили о том, как пощадило нас провидение, дав нам родиться в поздние времена, когда нравы смягчились настолько, что нас миновали войны, депортации, террор, отъем собственности, тюрьма да сума, которые были уделом трех предшествующих поколений. Анна кивала головой

и иронично улыбалась. «И кому нам сказать за это спасибо?», – спросила она. «Может, Таганскому суду? – предложила я. – Смотри, мне пришлось почти шесть лет отсидеть в суде, по гражданскому делу о разводе. Ты отсидела полтора года, а в Великом Новгороде уже год как надвигается судебная туча над 22-летней Тоней Мартыновой – у нее дочь с лестницы упала, а прокуратура ее в убийстве обвиняет. Где-то в Сибири мыкает горе Светлана Бахмина, мать двоих детей, она была бухгалтершей у Ходорковского. Но если сравнить это с тем, что получили бы на нашем месте наши бабушки и дедушки, то у нас – санаторий».

На следующий день после исчезновения Ани ко мне домой пришли двое сотрудников Службы розыска Берлинской уголовной полиции. Накануне Аня мне позвонила и мы с ней решили встретиться в субботу на выставке в Мартин-Гропиус-Бау. Ночью у меня внезапно поднялась температура, и в субботу, 22 марта, я целый день набирала номер Аниного мобильного – надо было ей сказать, что наша встреча отменяется. Ее телефон никак не реагировал. И только к вечеру, часов в 7, позвонил Михаил и огорошил сообщением, что Аня пропала. После разговора со мной она позвонила еще своей берлинской галеристке Марине Герцовской, а потом набросила легкую куртку, взяла ключи и деньги и вышла из дома за покупками. Больше она не вернулась. Полицейские расспрашивали меня об ее настроении, о том, не упоминала ли она о каких-либо неприятностях. Ничего подобного не было. Скорее наоборот, она была в хорошем настроении, шутила и говорила, что рада будет познакомиться с моей подружкой из США, которая как раз у меня гостила. На вопрос о вероятности политических мотивов, о похищении, я ответила, что мне это не кажется вероятным. Все, что им нужно, они над Аней уже проделали. С другой стороны, было непонятно, что же произошло? Если человек погиб, стал жертвой разбойного нападения, бросился под машину или в реку – находят его останки. Если у человека приступ острого психоза и он бродит по улицам в бессознательном состоянии – его очень быстро вычисляют и доставляют в клиники. Сначала была надежда, даже уверенность, что Аня найдется. Но шли дни, а поиски оставались безрезультатными. Прочитав в немецких газетах сообщение, что водолазы обыскивают озеро Литцензее рядом с домом Михаила и Анны, я взяла с полки томик Вирджинии Вульф. Анна Альчук ушла из дома 21 марта. Вирджиния Вульф – 28-го.

4 мая был вечер памяти Анны Альчук. Прекрасные люди, прекрасные лица. Приехала из Москвы их с Михаилом дочь Ксения, красивая, изящная молодая женщина с густыми темными волосами. Были профессора славистики, были лучшие переводчики, были коллеги Анны Альчук по поэтическому цеху. По составу людей, которые пришли проститься с Аней, было видно, что она и Миша жили, окруженные любовью и уважением умных, искренних, ярких, творческих личностей всех национальностей на свете.

Актриса, которую я уже один раз видела на концерте в Бохуме, исполнила удивительную музыкальную пьесу: тонкоголосые сигналы-гонги возвестили вступление странного, двоящегося, монотонного звука – он слегка отклонялся вверх-вниз от основной ноты, в нем были перебои, вздохи, модуляции. А еще было в нем как бы два слоя: чистый и тонкий – почти флейта, и рядом – хрипловатый, неравномерный, почти человеческий голос.

Друзья-поэты читали стихи Анны Альчук и свои стихи, рядом с ними – переводчики-слависты, которые тут же передавали прозвучавшие тексты по-немецки. Перевод многозначных игр с языком – задача почти невыполнимая. Аня фрагментирует речевые образования, выявляет спрятанные внутри корни, создает «мостики» и «гирлянды» из акустически сходных слов или их элементов, например: сло-во-лог-ос-гла-гол. И все же были очень удачные переводы, что кажется почти сверхъестественным проникновением в смыслы другого языка.

Все, конечно, спрашивали Михаила о результатах следствия. Оказалось, что дело еще не закрыто, хотя и дано разрешение на похороны. У экспертов нет ответа на вопрос, было ли это самоубийство, несчастный случай или убийство. Предварительно Михаила Рыклина ознакомили с тремя официальными документами следствия, причем все три противоречат друг другу.

Немецкая полиция не должна была выяснять, как российскому правосудию удалось навязать Анне Альчук чувство собственной виновности. Почему она, невзирая на оправдательный приговор, интериоризировала, как пишет Михаил Рыклин в статье «Дети в горящем доме», обвинения?

У них с Михаилом была возможность нового начала. Перебраться в Берлин, где у них столько друзей. Город ей нравился. Почему она отвергла эту возможность?

Если она страдала депрессиями и ее мучили кошмары, то ей могли бы помочь квалифицированные врачи. В Европе каждый четвертый житель принимает психофармаку, здесь умеют справляться и не с такими расстройствами. Почему она не пошла к врачам?

Что бы там ни говорили в полиции, непостижимо, как может человек назначать на завтра встречу в музее и обсуждать со своей галеристкой планы будущей выставки – перед тем как уйти из жизни?

Получается, что все вопросы остаются без ответов, и едва ли эти ответы когда-либо будут найдены.